Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В.

(г. Донецк, Украина)

НОЖИ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ С КОЛЬЦЕВЫМ УПОРОМ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И СИБИРИ И ИХ ЗАПАДНЫЕ АНАЛОГИИ

Исследователи памятников эпохи поздней бронзы Центральной Азии и Сибири уже давно обращают внимание на бронзовые ножи (чаще их именуют кинжалами), характерной особенностью которых является наличие кольцевого упора-утолщения у основания черешка. Для обозначения таких изделий нет единого термина. В частности, В.А. Городцов именовал их «копьевидными ножами» (Городцов В.А., 1928, с.57). В дальнейшем многие исследователи называли их (и до сих пор называют) «кинжалами киммерийского типа» (см., например: (Тереножкин А.И., 1961, с.107, 133; Гришин Ю.С., 1971, с.15; Левицкий О.Г., 1993, р.66; Итина М.А., Яблонский Л.Т., 2001, с.97; Ситников С.М., 2004, с.208; Папин Д.В., Дураков И.А., Федорук А.С., 2006, с.108)). Отметим, что в настоящее время данный термин не может быть признан корректным, поскольку приводит к путанице (Бруяко И.В., 2005, с.138-139).

Е.Н. Черных разделил рассматриваемые артефакты, именовавшиеся им ножами-кинжалами, на типы Н-34, Н-36, Н-37 и Н-38/40 (Черных Е.Н., 1976, с.119-122). В.И. Клочко назвал эти изделия кинжалами Красномаяцкого и Новокиевского типов (Kločko V., 1995, s.117-128). Использовалась и другая терминология (см.: Ситников С.М., 2004, с.209). Учитывая отмеченный разнобой, мы в данной работе будем употреблять дефиницию «ножи с кольцевым упором», хотя и она, несмотря на свою обтекаемость, не идеальна. Дело в том, что на ряде изделий упор, действительно, очень рельефно выражен (см., например: рис.2 – 1-7, 9, 10; 3 – 3, 5, 6). В других случаях он более аморфен (см., например: рис. 2 – 8; 3 – 1, 2, 4, 7-10). В свое время это побудило Е.Н. Черныха различать ножи-кинжалы с «намечающимся кольцевым упором» (тип Н-34) и ножи-кинжалы с «четким кольцевым упором» (типы Н-36, Н-37 и Н-38/40) (Черных Е.Н., 1976, с.119-122). Вместе с тем, исследователь отметил, что «в некотором отношении» изделия типа Н-34 являются вариантом изделий типа Н-36 (Черных Е.Н., 1976, с.120). Действительно, грань между «намечающимся кольцевым упором» и «четким кольцевым упором» несколько субъективна. К тому же, рисунки в ряде публикаций таковы, что о степени «четкости» упора судить трудно. Поэтому далее в качестве критерия классификации степень выраженности упора мы брать не будем.

Нам удалось учесть 37 ножей с кольцевым упором и 2 литейные формы для отливки данных орудий, обнаруженные на территории Зауралья, Центральной Азии и Сибири. На востоке рассматриваемые изделия доходят до Енисея, а на юге – до предгорий Копетдага и Памира (рис.1; на данной карте, чтобы не перегружать ее, мы отметили лишь небольшую часть находок с территории Украины). Они выявлены, в основном, в лесостепной и степной зонах. Изредка рассматриваемые артефакты происходят из зоны пустынь, гор (Западные Саяны) и южной окраины лесов.

Ножи с кольцевым упором, обнаруженные на данной территории, довольно разнообразны. Длина их колеблется от 9 до 26 см. Самыми короткими являются изделия с поселений Намазга-депе, Таджикистан (рис.2 – 5) – около 9 см, Теккем-депе, Таджикистан (рис.2 – 10) – 9 см и Кент, Казахстан (рис.2 – 4) – около 10 см. Самый большой среди учтенных ножей – артефакт с поселения Калиновка II, Алтайский край (рис.6 – 8). Его длина – около 26 см. Ненамного меньше, вероятно, был нож из Каратуза, Красноярский край (рис.4 – 1). Острие его, правда, обломано, но, судя по конфигурации клинка, общая длина изделия первоначально могла достигать 25 см. Тот же дефект имеет нож с поселения Рублево VI, Алтайский край (рис.2 – 1). Его длина могла достигать 23 см. Наконец, нож с озера Пресное, Казахстан, острие которого также утрачено (рис.3 – 1), изначально, вероятно, имел длину до 20,5 см.

Длина клинка рассматриваемых ножей составляет от 6 до 19 см. При этом на большинстве экземпляров (60,6% изделий, первоначальная длина которых устанавливается

более или менее надежно) данный параметр находился в интервале 11-15 см. В 30,3% случаев он меньше и лишь в 9,1% случаев – больше. Для сравнения, длина клинка у кинжалов из Ингульского и Лозовского кладов (Северное Причерноморье) составляет 21-27 см (Черных Е.Н., 1976, табл.XXXVII – 1, 3; XXXVIII – 4, 5). Кроме того, ножи с кольцевым упором, если использовать их как оружие, более пригодны для нанесения рубяще-режущих, чем колющих ударов (Клочко В.І., 2006, с.185). Отсюда большую часть рассматриваемых нами артефактов корректнее называть ножами, а не кинжалами.

Ширина клинка находится в интервале 2-4 см. В 63,6% случаев она составляет 2,8-3,5 см. Еще один параметр, о котором следует сказать – отношение длины клинка к его ширине. Он колеблется от 2,1:1 до 6,3:1. При этом можно выделить ножи с укороченным клинком (упомянутый параметр составляет 2,1:1, 2,3:1 и 2,4:1) (рис.2 – 4; 6 – 2, 4) и ножи с удлиненным клинком (5,2:1 и 6,3:1) (рис.4 – 1, 6). Большая часть изделий (85,7%) имеет клинок с соотношением длины к ширине 2,8:1-4,7:1.

Поперечное сечение клинка рассматриваемых изделий, как правило, является эллиптическим (см., например: рис.2 – 6, 9) или ромбовидным (см., например: рис.2 – 3, 8). На клинках некоторых экземпляров имеется более или менее четко выраженная продольная нервюра (см., например: рис. 2 – 2, 5, 10).

Длина черешка в большинстве случаев (58,3% артефактов, где данный параметр известен) находится в интервале 3-4 см. Минимальна она на ноже из Намазги-депе (рис.2 – 5) – 1,7 см, максимальна – на изделиях из Рублево VI (рис. 2 – 1) и Калиновского II (рис.6 – 8) – до 6 см. Окончание черешка обычно стамесковидное и по ширине близко к его основанию. На общем фоне выделяется находка из Кривошеино, Красноярский край, где окончание черешка было намного шире, чем основание (рис.3 – 10).

В качестве критерия классификации ножей с кольцевым упором нами была выбрана форма клинка. В зависимости от нее мы склонны выделять 4 группы ножей:

I. Ножи с более или менее плавным изгибом краев клинка и максимальным его расширением, смещенным к упору (рис.2; 3); учтено 22 экземпляра и 1 литейная форма. Данные артефакты обнаружены на поселениях Челкар (Археологическая карта.., 1960, табл.III – 53), Кент (Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В., 2008, рис.24 – 4, 5) (клинок первого из ножей поврежден; изделие отнесено к рассматриваемой группе условно), Павловка, (Зданович Г.Б., 1988, табл.10 – 12), Якши-Янгизтау (Аванесова Н.А., 1991, рис.8 – 23), Атасу I (Маргулан А.Х., 1998, рис.102 – 3[1]), Казахстан, Теккем-депе (литейная форма) (Щетенко А.Я., 1999, рис.2 – 1), Намазга-депе (Щетенко А.Я., 2002, рис.8 – 1), Туркменистан, Рублево VI, Алтайский край (Папин Д.В., Ченских О.А., Шамшин А.Б., 2000, рис.3 – 1), в погребениях из Саргаров (Аванесова Н.А., 1991, рис.25 – 25) и Борового (Аванесова Н.А., 1991, рис.25 – 23), Казахстан. Но куда больше случайных находок. Они происходят с территории Семипалатинской (Аванесова Н.А., 1991, рис.26 – 13), Алмаатинской (Аванесова Н.А., 1991, рис.27 – А – 10) областей, Пролетарки (Археологическая карта.., 1960, табл.IX – 141), озера Пресного (Аванесова Н.А., 1991, рис.26 – 12), прииска «Кольба» (Аванесова Н.А., 1991, рис.26 – 14), Улутоу (Аванесова Н.А., 1991, рис.27 – А – 11), Казахстан, Ташкентской области, Узбекистан (Аванесова Н.А., 1991, рис.27 – Б – 8), Бердска, Новосибирская обл. (Папин Д.В., Федорук А.С., Шамшин А.Б., 2006, рис.4 – 1), Клепиково (Грушин С.П., Папин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Хаврин С.В., 2009, рис.14 – 6), Третьяковского (Грушин С.П., Папин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Хаврин С.В., 2009, рис.14 – 3), Поспелихинского (Папин Д.В., Федорук А.С., Шамшин А.Б., 2006, рис.4 – 2) районов, Алтайский край, Кривошеино, Красноярский край (Аванесова Н.А., 1991, рис.28 – Б – 5).

II. Ножи с более или менее плавным изгибом краев клинка и максимальным его расширением посередине (рис.4); учтено 8 экземпляров и 1 литейная форма. Они выявлены на двух поселениях в Казахстане – Алексеевском (Кривцова-Гракова О.А., 1948, рис.20 – 1) и Бес-тюбе (Аванесова Н.А., 1991, рис.25 – 26), поселении Кангурттут, Таджикистан (литейная

1В работе приведена фотография ножа. Имеется и другая публикация, где помещен рисунок данного изделия. Судя по нему, нож следовало бы отнести ко II группе (Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж., 1992, рис.20 – 3). Вероятно, фотография более объективно передает облик артефакта.

форма) (Виноградова Н.М., 2004, рис.27 – 2), в могильниках Северный Тагискен, Казахстан (Итина М.А., Яблонский Л.Т., 2001, рис.123 – 1) и Черноозерье I, Омская обл. (Аванесова Н.А., 1991, рис.28 – А – 13). Есть также серия случайных находок, происходящих из окресностей Кочневска, Свердловская обл. (Аванесова Н.А., 1991, рис.24 – А – 13), Ленинского, Казахстан (Мерц В.К., 2000, рис.1 – 1), Ильинки, Алтайский край (Аванесова Н.А., 1991, рис.28 – А – 14), Каратуза, Красноярский край (Аванесова Н.А., 1991, рис.28 – Б – 6).

III. Ножи, где края клинка образуют близ упора резкий излом под углом около 120-140°, а часть клинка ниже излома имеет форму вытянутого треугольника (рис.6 – 1-4); учтено 4 экземпляра. Изделия данной группы выявлены на поселении Синташта, Челябинская область (Генинг, В.Ф., Зданович, Г.Б., Генинг, В.В., 1992, рис.41 – 15) и в могильнике Преображенка III, Новосибирская область (Молодин В.И., 1985, рис.63 – 5). Правда, последний артефакт автором публикации был назван наконечником дротика (Молодин В.И., 1985, с.124), но его типологическая тождественность рассматриваемым ножам заставляет воспринять данную атрибуцию скептически. Стоит, впрочем, отметить, что гипотеза об использовании ножей с кольцевым упором в качестве наконечников копий и дротиков имеет и других сторонников (Маргулан А.Х., 1998, с.250; Папин Д.В., Дураков И.А., Федорук А.С., 2006, с.108).

Кроме того, нам известны две случайные находки ножей III группы, происходящие с территории Казахстана – из Моисеевки (Мерц В.К., 2000, рис.1 – 2) и с рудника «Степняк» (Аванесова Н.А., 1991, рис.25 – 22).

IV. Нож с параллельными лезвиями (рис.6 – 8); учтен 1 экземпляр, найденный на поселении Калиновка II, Алтайский край (Грушин С.П., Папин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Хаврин С.В., 2009, рис.14 – 2).

Еще два ножа настолько повреждены, что отнести их к какой-либо из выделяемых групп невозможно. Это – артефакты с Семиярского поселения, Казахстан (Мерц В.К., 2006, рис.3 – 3) и могильника Чекановский Лог-7, Алтайский край (Ситников С.М., 2004, рис.1 – 2). Последний нож, вероятно, относится или к I или ко II группе.

Многие исследователи касались хронологии ножей с кольцевым упором из Центральной Азии и Сибири. Практически все они сходились на том, что рассматриваемые изделия бытовали в эпоху поздней бронзы, однако при установлении более узких дат порой возникали разногласия. Е.Н. Черных в свое время отнес данные ножи к «общности культур валиковой керамики» (Черных Е.Н., 1983, с.93), сложение которой датировал XIII/XII вв. до н.э. (Черных Е.Н., 1983, с.95). В работах последнего десятилетия для азиатских ножей с кольцевым упором и памятников, где они выявлены, предлагались даты XIII-IX вв. до н.э. (Мерц В.К., 2000, с.140), XII-VIII вв. до н.э. (Папин Д.В., Ченских О.А., Шамшин А.Б., 2000, с.154), IX-VIII вв. до н.э. (Итина М.А., Яблонский Л.Т., 2001, с.97), XII-IX (VIII) вв. до н.э. (Грушин С.П., Мерц В.К., Папин Д.В., Пересветов Г.Ю., 2006, с.4), XII-X вв. до н.э. (Мерц В.К., 2006, с.77), конец II – начало I тыс. до н.э. (Папин Д.В., Федорук А.С., Шамшин А.Б., 2006, с.88), XIII-X вв. до н.э. (Кузьмина Е.Е., 2008, с.99). Иногда рассматриваемые ножи синхронизируются с «белозерским этапом срубной культуры» (Грушин С.П., Мерц В.К., Папин Д.В., Пересветов Г.Ю., 2006, с.4). По современной периодизации белозерские памятники (в настоящее время они выделяются в белозерскую культуру) датируются XII-X вв. до н.э. (Отрощенко В.В., 2001, с.193).

Давно отмечено, что ножи с кольцевым упором из Центральной Азии и Сибири, находят аналогии на более западных территориях (см., например: (Аванесова Н.А., 1991, с.25; Виноградова, Н.М., 2004, с.75; Ситников С.М., 2004, с.208; Кузьмина Е.Е., 2008, с.99)). Среди интересующих нас изделий, выявленных в Восточной Европе, больше всего, как и в Азии, ножей I группы (см., например: рис.5 – 2-4). Ножи II группы (см., например: рис.5 – 5-7) по количеству стоят на втором месте, что вновь-таки коррелируется с ситуацией в Азии.

Особенно много ножей с кольцевым упором происходит из лесостепного и степного Поднепровья, что в свое время констатировал Е.Н. Черных (1976, с.121). Открытия, сделанные после публикации монографии 1976 г., лишь подтвердили данное наблюдение. Стоит привести некоторые конкретные цифры. Отметим сразу, что ниже мы не учитываем

биметаллические ножи, которые типологически близки рассматриваемым, но имеют вставной железный клинок (см., например: Тереножкин А.И., 1961, рис.70 – 2).

В Поднепровье нами учтено 28 готовых изделия и 25 литейных форм для производства рассматриваемых орудий. На территории Днепро-Донецкого междуречья, включая Приазовье, и Правобережья Среднего Донца обнаружены 10 ножей и 3 матрицы. Из Побужья происходят 4 ножа. В Северо-Западном Причерноморье выявлены 8 ножей и 2 матрицы. В Прикарпатье найдены 2 ножа. На территории Румынии – 5. К востоку от территории Украины (как, впрочем, и к западу) количество интересующих нас артефактов резко сокращается. В частности, на Среднем Дону нам известна 1 матрица, на Нижнем Дону – 5 ножей, на Северном Кавказе – 6, в Поволжье, Прикамье, и Приуралье – 9 ножей и 1 матрица.

Таким образом, одно лишь Поднепровье дало находок ножей и матриц для их производства значительно больше, чем вся Азия. Еще более показательно другое. С территории Поднепровья и Левобережной Украины происходят 28 учтенных нами находок литейных форм. Далее к востоку они единичны – по 1 в Воронежской области (Улезько В.Н., 2002, рис.2), Татарстане (Халиков А.Х., 1980, табл.41 – 1) и, как сказано выше, Туркменистане и Таджикистане. На территории зауральских областей России, в Казахстане и Сибири, насколько нам известно, матрицы для изготовления ножей с кольцевым упором до сих пор не выявлены, хотя, возможно, здесь интересующие нас изделия все-таки производились. Так, согласно данным спектрального анализа, нож из Ленинского (рис.4 – 3), вероятно, изготовлен из сырья Рудного Алтая (Грушин С.П., Мерц В.К., Папин Д.В., Пересветов Г.Ю., 2006, с.9).

Из отмеченного видно, что если в Азии ножи с кольцевым упором и отливались, то – в масштабах, намного меньших, чем в Поднепровье.

Заслуживает рассмотрения вопрос о хронологическом соотношении восточных ножей с западными. Согласно разработкам А.М. Лескова, к числу самых ранних ножей с кольцевым упором в Северном Причерноморье относятся изделия из Кабаковского и Лобойковского кладов (Leskov A.M., 1981, taf.15). Наиболее вероятная дата последних – 1400-1300 вв. до н.э. (Дергачев В.А., Бочкарев В.С., 2002, рис.1, с.98), хотя есть и другие точки зрения (см., например: Klocko V., 1995, abb.45). Нож из Кабаковского клада имеет клинок подромбической формы (рис.5 – 1) и по этому признаку не находит аналогий в Азии. В Лобойковском кладе было 2 ножа с кольцевым упором (Klocko V., 1995, abb.24 – 6, 7). Клинок одного из них настолько сточен, что отнести его к какой-то из выделяемых нами групп трудно. Другой же нож по форме клинка соответствует изделиям I группы.

Вероятно, в Северном Причерноморье ножи II группы появляются несколько позже, чем ножи I группы. В пользу этого свидетельствует, в частности, то, что комплекс литейных форм из Красного Маяка, где были матрицы для отливки ножей II группы (рис.5 – 6), датируется позднесабатиновским временем, в отличие от Лобойковского клада, синхронного ранней сабатиновской культуре (Дергачев В.А., Бочкарев В.С., 2002, рис.1).

Вместе с тем, ножи I группы не исчезают после появления ножей II группы. Они длительное время сосуществуют с последними, о чем свидетельствует, например, «кенотаф» из Комсомольского, Астраханская обл., который датируется XIII-XII вв. до н.э. (Отрощенко В.В., 2001, с.161-162), т.е. позднесабатиновским временем. Не исключено, что ножи I группы в Восточной Европе продолжали использоваться и в белозерское время. Показательна находка фрагмента такого ножа в Бугском кладе, Николаевская обл. (Гошко Т.Ю., 2008, рис.1 – 2). Этот клад содержал фрагмент однолезвийного черешкового ножа, находящего аналогии на белозерском поселении Дикий Сад, Николаевская обл. (Гошко Т.Ю., 2008, с.27). При раскопках Дикого Сада были выявлены и 2 ножа с кольцевым упором. Первый из них (Горбенко К.В., 2008, рис.1 – 21) настолько поврежден, что причислить изделие к какой-либо группе затруднительно. Можно лишь допускать, что это – или I, или II группа. Второй нож (Горбенко К.В., Гребенніков Ю.С., Панковський В.Б., 2005, рис.6 – 4) может быть отнесен к IV группе.

Сильно попорчен и клинок ножа, обнаруженного в погребении белозерской культуры из Зальца, 4/5, Одесская обл. (Иванова С.В., Петренко В.Г., Ветчинникова Н.Е., 2005, рис.8 – 3).

Лишь с некоторой натяжкой этот нож может быть отнесен ко II группе. Тем не менее, он и ножи из Бугского клада и Дикого Сада позволяют констатировать, что в белозерское время, наряду с имеющими кольцевой упор биметаллическими ножами, ножами, где максимальное расширение клинка смещено к острию (типа изделия из Ново-Александровки (Лесков А.М., 1967, рис.3 – 11-13)) и ножами с параллельными лезвиями, аналогичными артефакту из Дикого Сада, продолжали использоваться ножи I и II групп.

Среди ножей с кольцевым упором, происходящих из Азии, основная часть, очевидно, датируется временем саргарьинско-алексеевской культуры. Однако, находка такого ножа на поселении федоровской культуры Павловка, Казахстан (Зданович Г.Б., 1988, табл.10 – 12) (рис.2 – 8) позволяет сделать вывод, что рассматриваемые изделия появляются в азиатских степях еще в период, предшествующий широкому распространению на данной территории валиковой керамики. Отметим, что нож из Павловки относится к I группе. Нижняя дата федоровской культуры является дискуссионной. Согласно разработкам Г.Б. Здановича, это – середина XIV в. до н.э. (Зданович Г.Б., 1988, с.144). Е.Е. Кузьмина отнесла интересующее нас поселение к позднефедоровским памятникам, которые датировала XIII в. до н.э. (Кузьмина Е.Е., 1994, с.44). Таким образом, ножи с кольцевым упором из Азии по времени являются более поздними, чем наиболее ранние их аналоги из Поднепровья.

Временем федоровской культуры, возможно, датируются также нож I группы из Намазга-депе (рис.2 – 5) и матрица для изготовления ножей данной группы из Теккем-депе (рис.2 – 10). Согласно построениям А.Я. Щетенко, обе находки относятся к 4 этапу его периодизации памятников Средней Азии, а появление саргарьинско-алексеевской керамики на этих памятниках – к 5 этапу (Щетенко А.Я., 2002, с.215-216). Правда, Е.Е. Кузьмина датировала артефакты из Намазги-депе и Теккем-депе временем саргарьинско-алексеевской культуры (по терминологии исследовательницы – памятники типа Алексеевки), т.е. XIII-XII вв. до н.э. (Кузьмина Е.Е., 2008, с.74, 75). Но, независимо от даты ножей из Намазга-депе и Теккем-депе, нет надежных данных, позволяющих относить ко времени, предшествующему саргарьинско-алексеевской культуре, какие-либо ножей II группы.

Дату распространения последних в Азии позволяет установить литейная форма из Кангурттута (рис.4 – 8). Как мы полагаем, она может быть датирована достаточно узко. Поблизости от керамического развала, в котором находилась матрица, и в том же слое обнаружен фрагмент бронзового серпа (Виноградова Н.М., Ранов В.А., Филимонова Т.Г., 2008, с.173; рис. 41 – 15). Типологически этот серп может быть отнесен к типу Хелештень, варианту Хелештень (Дергачев В.А., Бочкарев В.С., 2002, с.239-250). Производство данных серпов, согласно разработкам В.С. Бочкарева и В.А. Дергачева, датируется второй половиной периода BD – первой половиной периода HaA1 (Дергачев В.А., Бочкарев В.С., 2002, с.256), т.е. – серединой XIII – серединой XII вв. до н.э. Замечателен сам факт обнаружения рассматриваемого серпа в Таджикистане – вдали от основного ареала распространения изделий данного варианта, локализуемого, в основном, в пределах Румынской Молдовы и Прутско-Днестровского междуречья. На востоке, в пределах Восточной Европы, серпы варианта Хелештень доходят до Северского Донца (Дергачев В.А., Бочкарев В.С., 2002, карта 28). Далее подобные изделия, за исключением артефакта из Кангурттута, нам не известны. Но в свете того, что и нож, который отливался в кангурттутской матрице, находит аналогии в Северном Причерноморье, факт обнаружения серпа варианта Хелештень в Средней Азии не должен восприниматься с чрезмерным удивлением.

Очевидно, ножи II группы использовались и позже XII в. до н.э. Об этом свидетельствует находка из «мавзолея» 4-ж Северного Тагискена (рис.4 – 7). По мнению Н.А. Итиной и Л.Т. Яблонского, могильник датируется IX-VIII вв. до н.э. (Итина Н.А., Яблонский Л.Т., 2001, с.101). Вероятно, эта дата несколько завышена (Бруяко И.В., 2005, с.137-139). Но, тем не менее, можно утверждать, что нож из Тагискена – один из самых поздних среди учтенных нами азиатских ножей с кольцевым упором.

Ножи I группы также «жили» довольно долго, что демонстрирует находка из могильника Боровое, ограда 1 (рис.3 – 2). Здесь, кроме ножа, присутствовали, в частности, квадратное зеркало с ручкой-петелькой и сосуд донгальского типа. Согласно Е.Е. Кузьминой, комплекс может быть датирован X-IX (VIII?) вв. до н.э. (Кузьмина Е.Е., 2008, с.260).

По конфигурации клинка нож из Борового довольно близок к ножам III группы. Они же, на наш взгляд, являются относительно поздними среди рассматриваемых изделий. Нож, найденный на Синташтинском поселении (рис.6 – 3), естественно, не может датироваться временем синташтинской культуры. К сожалению, из публикации обстоятельства его находки выяснить не удается.

Более конкретную дату дает нож из могильника ирменской культуры Преображенка III (рис.6 – 4). Судя по присутствию в одном из погребений бронзового ножа с треугольной аркой на кронштейне, ирменские захоронения могильника, а, соответственно, и нож с кольцевым упором, могут быть датированы VIII-VII вв. до н.э. (Михайлов Ю.И., 2000, с.157).

Интересно, что в Восточной Европе артефактов, близких азиатским ножам III группы, практически нет. На территории Украины нам известна лишь 1 находка, которая может быть с ними сопоставлена, – нож из Пилявы, Киевская обл. (Kločko V., 1995, abb.28 – 3) (рис.6 – 5). Но он найден вне комплекса, а потому дату его установить невозможно. Нож III группы происходит из могильника Красногорский I, Башкортостан (Горбунов В.С., Обыденнов М.Ф., 1980, рис.3 – 2) (рис.6 – 6). Согласно М.Ф. Обыденному, памятник, который сначала считался черкаскульским, следует отнести к межовской культуре (Обыденнов М.Ф., 1985). Дата могильника – XI-IX вв. до н.э. (Горбунов В.С., Обыденнов М.Ф., 1980, с.182) может быть признана нижней для ножей III группы.

Случайная находка ножа, очень близкого рассматриваемым, происходит из Бишево, Татарстан (Халиков А.Х., 1980, табл.52 – 5) (рис.6 – 7). Пока можно констатировать, что на памятниках саргарьинско-алексеевской культуры ножи III группы до сих пор не выявлены. Это позволяет допускать более позднее их появление по сравнению с ножами II группы.

Что касается даты бытования в Азии ножей IV группы, то этот вопрос можно будет рассмотреть лишь после публикации новых находок. Ситуация в Восточной Европе более ясна. Здесь подобные изделия входят в употребление лишь в белозерское время.

Итак, подведем итоги. Наиболее ранними ножами с кольцевым упором являются, вероятно, нож из Кабаковского клада и ножи I группы, причем в Поднепровье данные орудия начали производиться раньше, чем в более западных и более восточных регионах. Отсюда возможно допущение, что появление ножей с кольцевым упором в Центральной Азии и Сибири явилось не результатом развития местных ножей, как это иногда считается, а следствием влияния с запада. Идея эта не нова (см., например: Черников С.С., 1960, с.80). На определенном этапе распространились ножи II группы, но ножи I группы продолжали использоваться, причем эта «нахлестка» имела место и в Восточной Европе, и в Азии. Начиная с какого-то времени развитие ножей с кольцевым упором в Европе и в Азии пошло разными путями. В Европе на смену ножам I и II групп в белозерское время постепенно пришли ножи с параллельными лезвиями, ножи с максимальным расширением клинка, смещенным к острию, и биметаллические ножи. В Азии же получили распространение ножи III группы, но ножи I и II групп продолжали использоваться параллельно с ними до самого финала бронзового века.

Библиографический список

1. Аванесова, Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР (по металлическим изделиям) / Н.А. Аванесова. – Ташкент: Фан, 1991. – 200 с.
2. Археологическая карта Казахстана. Реестр. – Алма-Ата: Изд. АН Казахской ССР, 1960. – 487 с.
3. Бейсенов, А.З. Могильник Бегазы. Центральный Казахстан в бегазы-дандыбаевскую эпоху / А.З. Бейсенов, В.В. Варфоломеев. – Алматы, 2008. – 112 с.
4. Бруяко, И.В. Ранние кочевники в Европе. X-V вв. до Р.Х. / И.В. Бруяко. – Кишинев, 2005. – 538 с.
5. Виноградова, Н.М. Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы / Н.М.

Виноградова. – М.: Институт востоковедения РАН, 2004. – 299 с.

6. Виноградова, Н.М. Памятники Кангурттута в Юго-Западном Таджикистане (эпоха энеолита и бронзовый век) / Н.М. Виноградова, В.А. Ранов, Т.Г. Филимонова. – М.: Институт востоковедения РАН, 2008. – 472 с.

7. Генинг, В.Ф. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей / В.Ф. Генинг, Г.Б. Зданович, В.В. Генинг. – Челябинск: Южно-Уральское книжное изд., 1992. – 408 с.

8. Горбенко, К.В. Предварительные итоги археологических исследований укрепленного поселения эпохи поздней бронзы Дикий Сад // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале / К.В. Горбенко. – М., 2008. – Т. 1. – С. 384-387.

9. Горбенко, К.В. Розкопки укріпленого поселення «Дикий Сад» у 2004 р. // Археологічні дослідження в Україні 2003-2004 рр. / К.В. Горбенко, Ю.С. Гребенніков, В.Б. Панковський. – Київ; Запоріжжя: Дике Поле, 2005. – С.100-104.

10. Горбунов, В.С. Курганный могильник эпохи поздней бронзы в Южной Башкирии // СА / В.С.Горбунов, М.Ф. Обыденнов. – 1980. – № 3. – С.173-182.

11. Городцов, В.А. К вопросу о киммерийской культуре // Труды секции археологии РАНИОН / В.А. Городцов. – М., 1928. – Вып. II. – С.46-60.

12. Гошко, Т.Ю. Технологічне дослідження бронзових виробів із Бузького скарбу // Археологія / Т.Ю. Гошко. – 2008. – № 4. – С.27-33.

13. Гришин, Ю.С. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы // САИ / Ю.С. Гришин. – М.: Наука, 1971. – Вып. В3-12. – 90 с.

14. Грушин, С.П. Материалы эпохи бронзы из Павлоградского Прииртышья // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века / С.П. Грушин, В.К. Мерц, Д.В. Папин, Г.Ю. Пересветов. – Барнаул: Изд. Алтайского ГУ, 2006. – С.4-17.

15. Грушин, С.П. Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века / С.П. Грушин, Д.В. Папин, О.А. Позднякова, Е.А. Тюрина, А.С. Федорук, С.В. Хаврин. – Барнаул: Изд. Алтайского ГУ, 2009. – 160 с.

16. Дергачев, В.А. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы / В.А. Дергачев, В.С. Бочкарев. – Кишинев: Высшая Антропологическая Школа, 2002. – 348 с.

17. Зданович, Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей / Г.Б. Зданович. – Свердловск: Изд. Уральского ГУ, 1988. – 183 с.

18. Иванова, С.В. Курганы древних скотоводов междуречья Южного Буга и Днестра / С.В. Иванова, В.Г. Петренко, Н.Е. Ветчинникова. – Одесса, 2005. – 207 с.

19. Итина, М.А. Мавзолеи Северного Тагискена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи / М.А. Итина, Л.Т. Яблонский. – М.: Восточная литература РАН, 2001. – 295 с.

20. Кадырбаев М.К. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки / М.К. Кадырбаев, Ж. Курманкулов. – Алма-Ата: Гылым, 1992. – 247 с.

21. Каталог случайных находок из археологических собраний Донецкой области // Археологический альманах. – Донецк, 1993. – № 1. – 236 с.

22. Клочко, В.І. Озброєння та військова справа давнього населення України (5000-900 рр. До Р.Х.) / В.І. Клочко. – Київ, 2006. – 337 с.

23. Кузьмина, Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев / Е.Е. Кузьмина. – М., 1994. – 464 с.

24. Кузьмина, Е.Е. Арии – путь на юг / Е.Е. Кузьмина. – М. – СПб., 2008. – 258 с.

25. Левицкий, О.Г. Бронзовые изделия раннегальштатской культуры с каннелированной керамикой Восточно-Карпатского региона // Revista Arheologica / О.Г. Левицкий. – 1993. – № 1. – P. 54-75.

26. Лесков, А.М. О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней

бронзы // Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР / А.М. Лесков. – Киев: Наукова думка, 1967. – С.143-184.

27. Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана // Маргулан А.Х. Сочинения / А.Х. Маргулан. – Алматы: Атам¥ра, 1998. – Т. 1. – 400 с.

28. Мерц, В.К. Новые находки бронзовых изделий из Павлоградского Прииртышья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая / В.К. Мерц. – Барнаул: Изд. Алтайского ГУ, 2000. – Вып. XI. – С.138-140.

29. Мерц, В.К. Археологические исследования в Бескарагае // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века / В.К. Мерц. – Барнаул: Изд. Алтайского ГУ, 2006. – С.73-82.

30. Михайлов, Ю.И. К вопросу о коллективных захоронениях в ирменской погребальной традиции // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая / Ю.И. Михайлов. – Барнаул: Изд. Алтайского ГУ, 2000. – Вып. XI. – С.156-157.

31. Молодин, В.И. Бараба в эпоху бронзы / В.И. Молодин. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

32. Обыденнов, М.Ф. Ареал межовской культуры позднего бронзового века и характеристика поселений на южном Урале // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья / М.Ф. Обыденнов. – Челябинск, 1985. – С.120-141.

33. Отрощенко, В.В. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення) / В.В. Отрощенко. – Київ, 2001. – 288 с.

34. Папин, Д.В. Металлообработка бронзовых изделий на поселении эпохи поздней бронзы Рублево-VI // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века / Д.В. Папин, И.А. Дураков, А.С. Федорук. – Барнаул: Изд. Алтайского ГУ, 2006. – С.107-116.

35. Папин, Д.В. Находки бронзовых предметов с территории Кулундинской степи // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века / Д.В. Папин, А.С. Федорук, А.Б. Шамшин. – Барнаул: Изд. Алтайского ГУ, 2006. – С.83-96.

36. Папин, Д.В. Материалы эпохи поздней бронзы из Южной Кулунды // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая / Д.В. Папин, О.А. Ченских, А.Б. Шамшин. – Барнаул: Изд. Алтайского ГУ, 2000. – Вып. XI. – С.152-155.

37. Ситников, С.М. Два кинжала эпохи поздней бронзы с территории Лесостепного Алтая // Традиционные культуры и общества Северной Азии с древнейших времен до современности. Материалы XLIV Региональной (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых / С.М. Ситников. – Кемерово, 2004. – С.208-209.

38. Тереножкин, А.И. Предскифский период на Днепровском Правобережье / А.И. Тереножкин. – Киев: Изд-во АН УССР, 1961. – 248 с.

39. Улезько, В.Н. Новые находки литейных форм эпохи поздней бронзы в Лесостепном Подонье // Археологические памятники Восточной Европы / В.Н. Улезько. – Воронеж, 2002. – С.105-107.

40. Халиков, А.Х. Приказанская культура // САИ / А.Х. Халиков. – М.: Наука, 1980. – Вып. В1-24. – 129 с.

41. Черников, С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА / С.С. Черников. – М. – Л.: Изд. АН СССР, 1960. – № 88. – 272 с.

42. Черных, Е.Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР / Е.Н. Черных. – М.: Наука, 1976. – 304 с.

43. Черных, Е.Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья / Е.Н. Черных. – Челябинск, 1983. – С.81-99.

44. Щетенко, А.Я. Литейные формы эпохи поздней бронзы с поселения Теккем-депе (Южный Туркменистан) // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б.Н. Гракова) / А.Я. Щетенко. – Запорожье, 1999. – С.271-278.

45. Щетенко, А.Я. Основные этапы разработки археологической периодизации эпохи поздней бронзы Средней Азии // Історична наука: проблеми розвитку / А.Я. Щетенко. – Луганськ: Вид. СНУ ім. В. Даля, 2002. – С.204-221.

46. Kločko, V. Zur Bronzezeitelichen bewaffnung in der Ukraine. Die Metallwaffen des 17. – 10. Jhs. Chr. // EA / V. Kločko. – Berlin, 1995. – B. 1. – S.81-163.

47. Leskov, A.M. Jung- und spatbronzezeitliche Depotfunde im nordlichen Schwarzmeergebiet (Depots mit einheimischen Formen) // Prahistorishe bronzefunde / A.M. Leskov. – Münhen: C.H. Beck'sche verlagsbuchhandlung, 1981. – Ab. XX. – B. 5 – 130 s.

Список сокращений

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

EA – Eurasia Antiqua (Berlin)

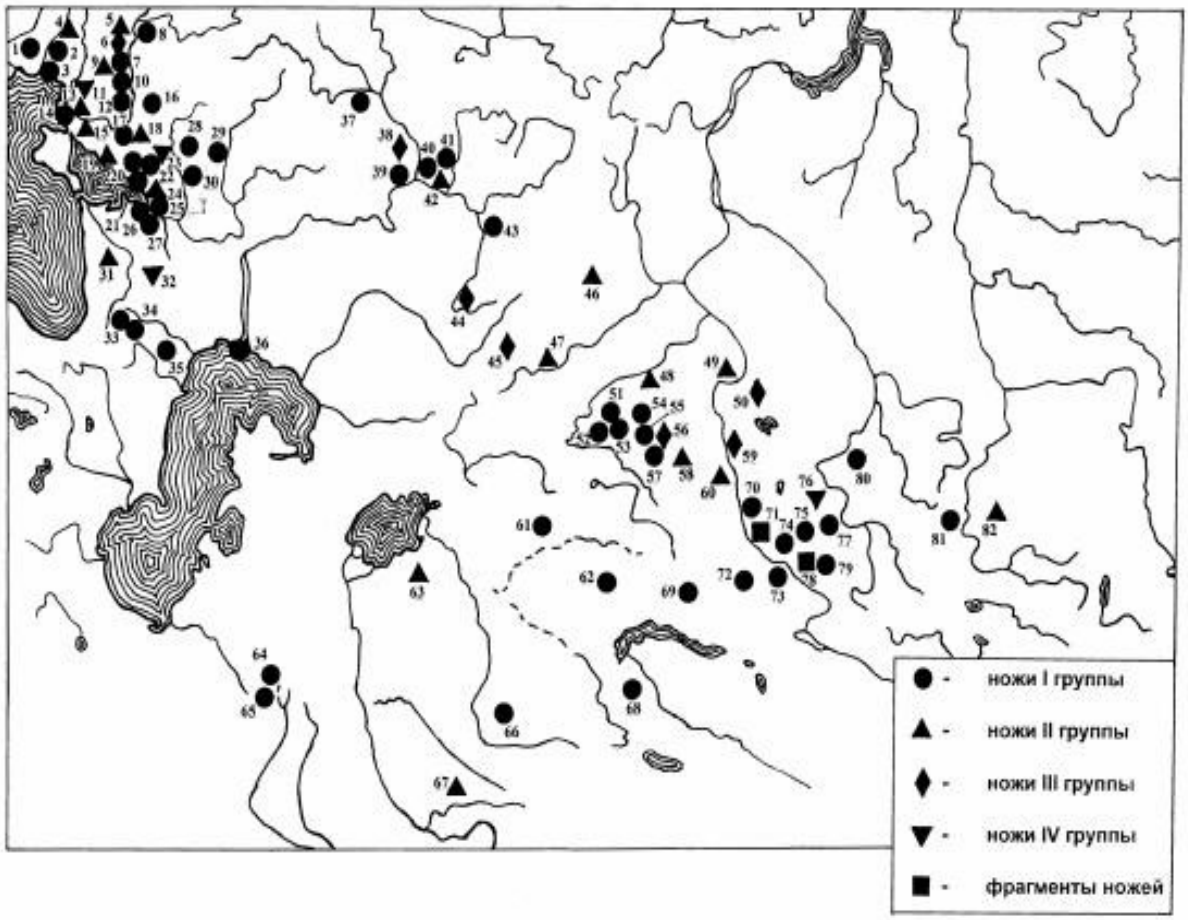

Рис.1 Карта распространения ножей с кольцевым упором
(готовые изделия и матрицы):

1 – Березовка; 2 – Гояны; 3 – Салганы; 4 – Красный Маяк; 5 – Мазепинцы; 6 – Пилява; 7 – Хмельна; 8 – Головуров; 9 – Таращанский район; 10 – Выдумка; 11 – Дикий Сад; 12 – Днепро-Каменка; 13 – Кучугуры; 14 – Малые Копани; 15 – Солонцы; 16 – Буланово; 17 – Ганновка; 18 – Вязовок; 19 – Андрово; 20 – Кременевка; 21 – Новоазовск; 22 – Макеевка; 23 – Богородичное; 24, 25, 27 – Новочеркасский музей; 26 – Дугино; 28 – Сватово; 29 – Белогорье; 30 – Трехизбенка; 31 – Удобная; 32 – Ипатово; 33 – Курп; 34 – Заюков; 35 – Бажиган; 36 – Комсомольское; 37 – Садовый Бор; 38 – Бишево; 39 – Монастырское; 40 – Маркиз; 41 – Малмыжа; 42 – Грохань; 43 – Ново-Кизганово II; 44 – Красногорский I; 45 – Синташта; 46 – Кочневск; 47 – Алексеевское; 48 – Ильинка; 49 – Черноозерье; 50 – Преображенка III; 51 – Якши-Янгизтау; 52 – Саргары; 53 – Павловка; 54 – Боровое; 55 – Кольба; 56 – Степняк; 57 – Челкар; 58 – Бес-Тюбе; 59 – Моисеевка; 60 – Ленинский; 61 – Улутау; 62 – Атасу; 63 – Северный Тагискен; 64 – Намазга («Вышка»); 65 – Теккем-депе; 66 – Ташкентская область; 67 – Кангурттут; 68 – Алмаатинская область; 69 – Кент; 70 – Пресное; 71 – Семиярка; 72 – Семипалатинская область; 73 – Пролетарка; 74 – Рублево VI; 75 – Поспелихинский район; 76 – Калиновка II; 77 – Клепиково; 78 – Чекановский Лог VII; 79 – Третьяковский район; 80 – Бердск; 81 – Кривошеино; 82 – Каратуз.

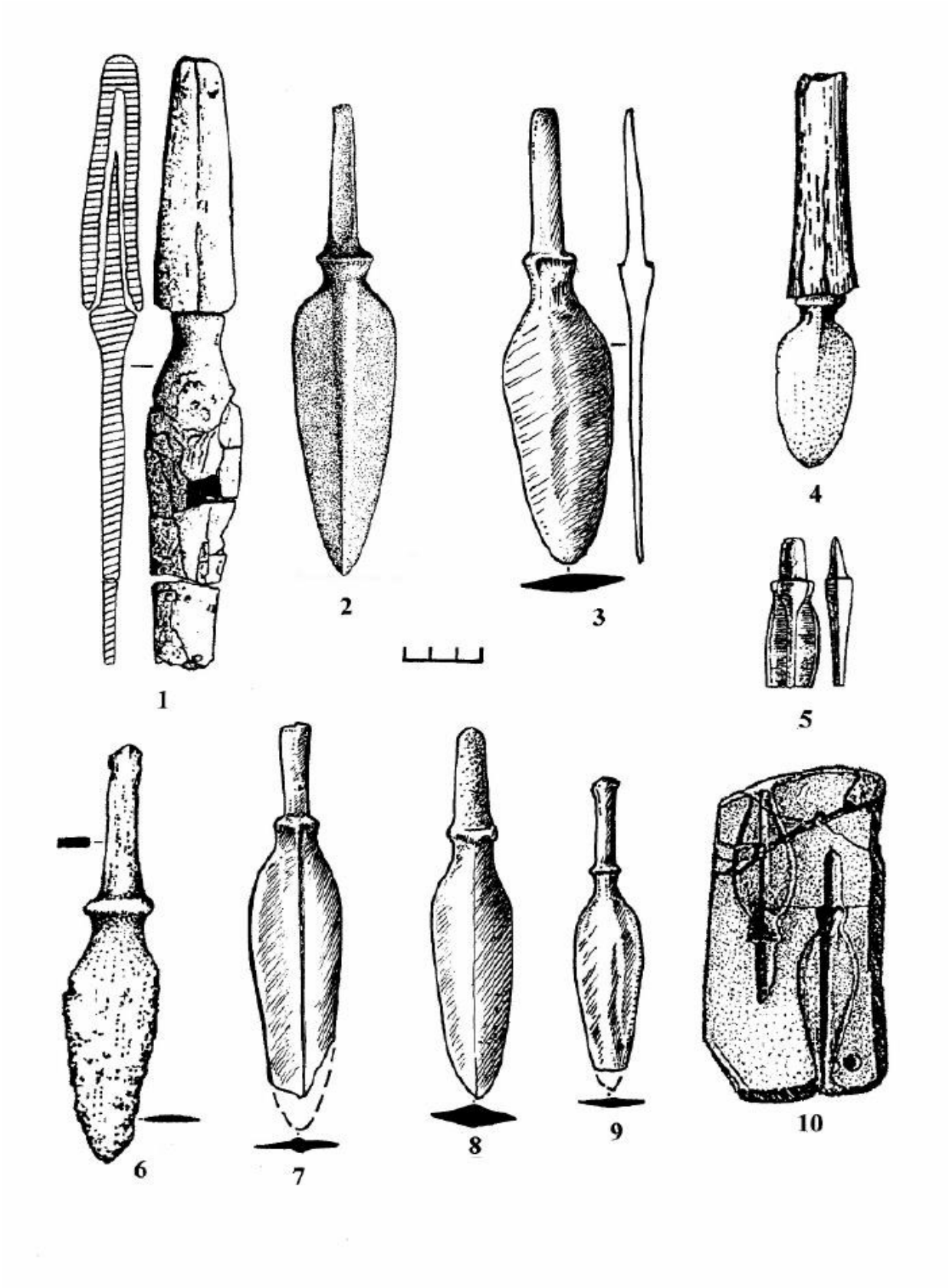

Рис.2 Ножи и матрица I группы из Азии:

1 – Рублево VI; 2 – Поспелихинский район; 3 – Саргары; 4, 6 – Кент; 5 – Намазга-депе; 7 – Якши-Янгизтау; 8 – Павловка; 9 – Семипалатинская область; 10 – Теккем-депе (1 – по: Папин Д.В., Ченских О.А., Шамшин А.Б., 2000; 2 – по: Папин Д.В., Федорук А.С., Шамшин А.Б., 2006; 3, 7, 9 – по: Аванесова Н.А., 1991; 4, 6 – по: Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В., 2008; 5 – по: Щетенко А.Я., 2002; 8 – по: Зданович Г.Б., 1988; 10 – по: Щетенко А.Я., 1999).

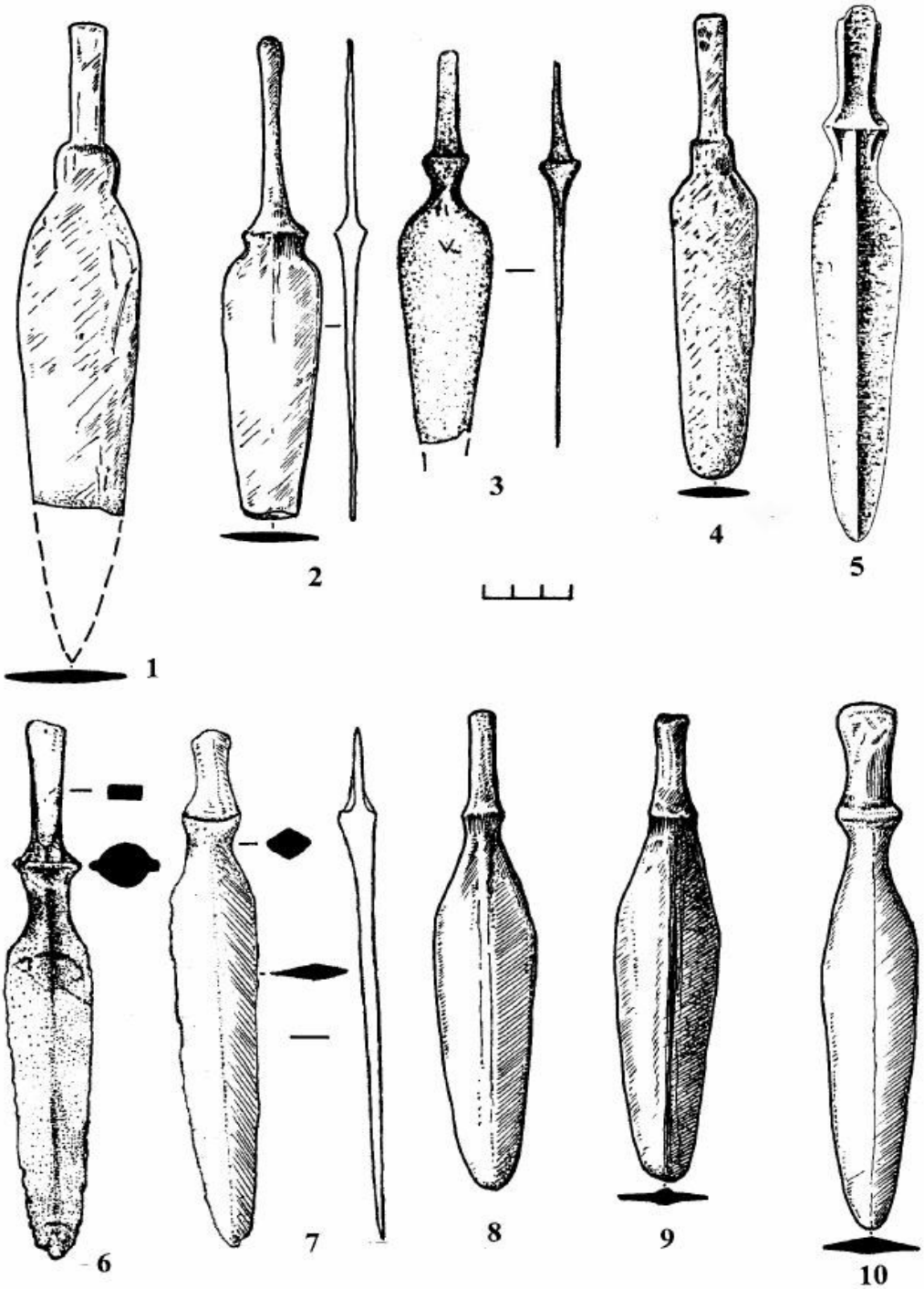

Рис.3 Ножи I группы из Азии:

1 – Пресное; 2 – Боровое; 3 – Клепиково; 4 – Кольба; 5 – Ташкентская область; 6 – Бердск; 7 – Третьяковский район; 8 – Улутау; 9 – Алмаатинская область; 10 – Кривошеино (1, 2, 4, 5, 8-10 – по: Аванесова Н.А., 1991; 3, 7 – по: Грушин С.П., Папин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Хаврин С.В., 2009; 6 – по: Папин Д.В., Федорук А.С., Шамшин А.Б., 2006).

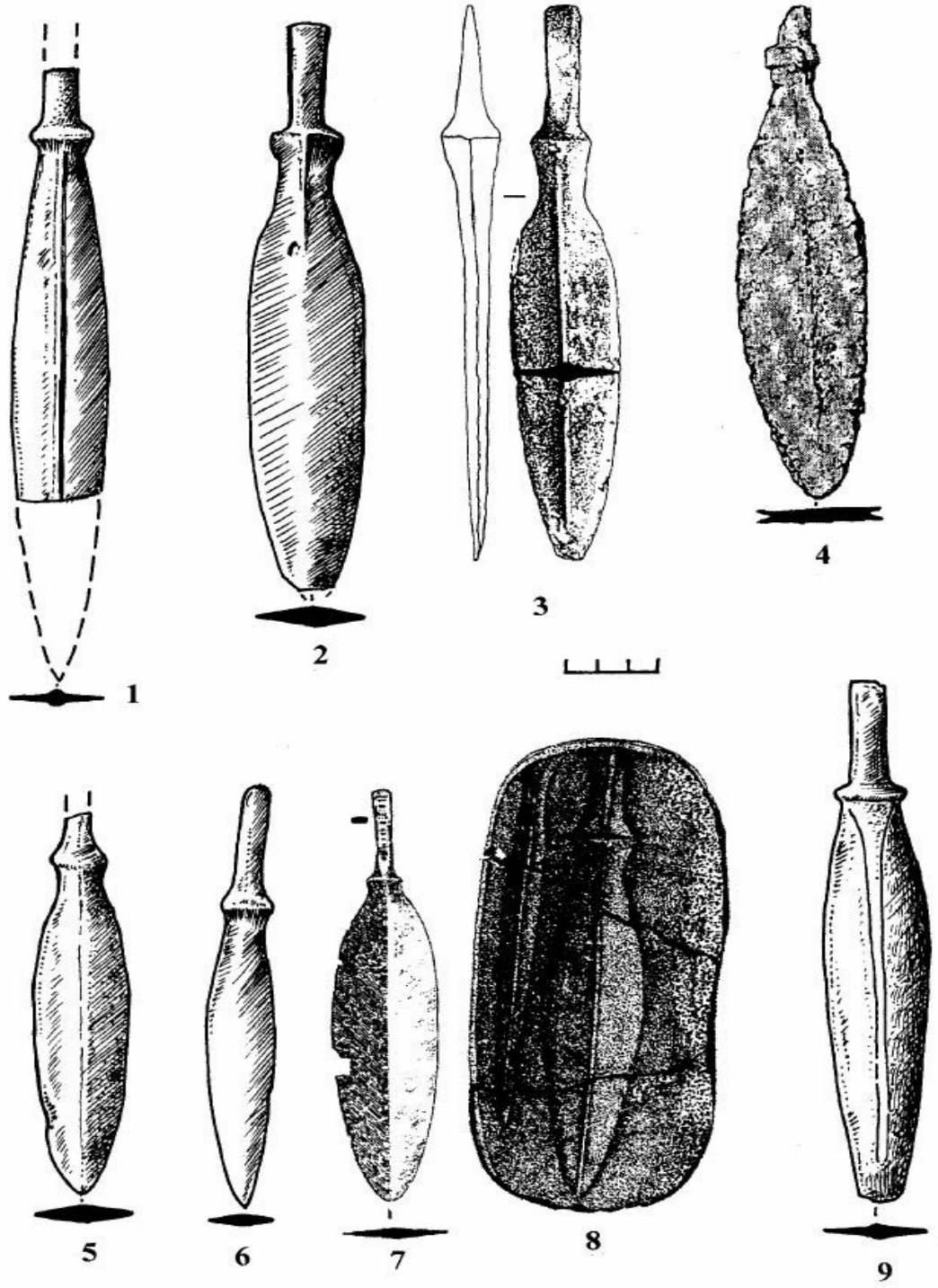

Рис.4 Ножи и матрица II группы из Азии:

1 – Каратуз; 2 – Бес-тюбе; 3 – Ленинский; 4 – Алексеевское; 5 – Черноозерье I; 6 – Кочневск; 7 – Северный Тагискен; 8 – Кангурттут; 9 – Ильинка (1, 2, 5, 6, 9 – по: Аванесова Н.А., 1991; 3 – по: Мерц В.К., 2000; 4 – по: Кривцова-Гракова О.А., 1948; 7 – по: Итина М.А., Яблонский Л.Т., 2001; 8 – по: Виноградова Н.М., 2004).

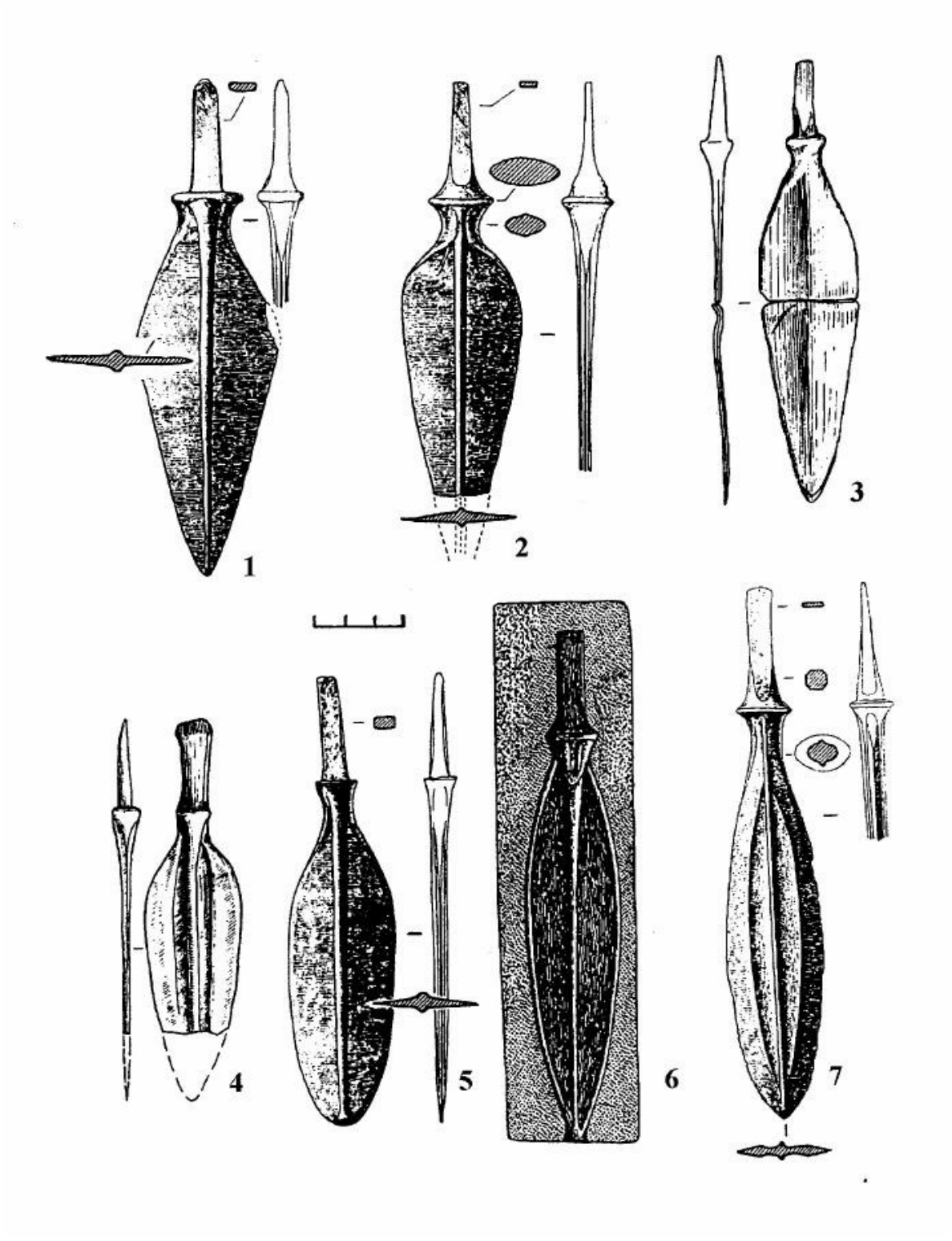

Рис.5 Ножи и матрица из Восточной Европы:

1 – Кабаково; 2 – Хмельна; 3 – Новоазовск; 4 – Сватово; 5 – Херсонская область; 6 – Красный Маяк; 7 – Думанцы (1, 2, 5-7 – по: Kločko, 1995; 3-4 – по: Каталог случайных находок.., 1993).

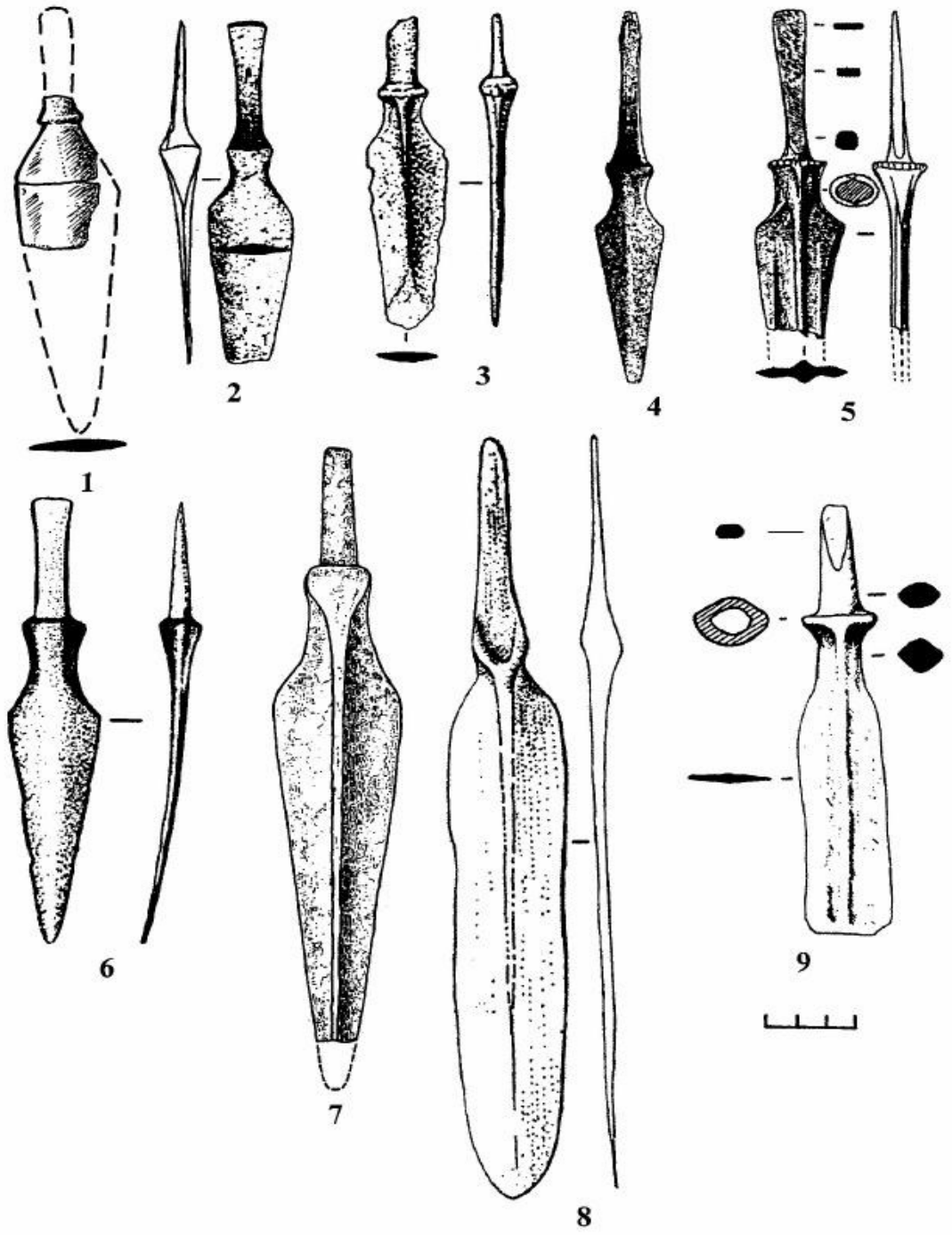

Рис.6 Ножи III (1-7) и IV (8, 9) групп из Азии (1-4, 8) и Восточной Европы (5-7, 9):

1 – Степняк; 2 – Моисеевка; 3 – Синташта; 4 – Преображенка III; 5 – Пилява; 6 – Красногорский I; 7 – Бишево; 8 – Калиновка II; 9 – Богородичное (1 – по: Аванесова Н.А., 1991; 2 – по: Мерц В.К., 2000; 3 – по: Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992; 4 – по: Молодин В.И., 1985; 5 – по: Kločko, 1995; 6 – по: Горбунов В.С., Обыденнов М.Ф., 1980; 7 – по: Халиков А.Х., 1980; 9 – по: Каталог случайных находок .., 1993).